
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XI

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова (1883—1943)

St. Petersburg
2013

А. Ш. Кадырбаев

Идея панмонголизма от атамана Семенова и барона Унгерна до ее краха

Панмонголизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно.

В. Соловьев

Статья посвящена походу генерала Унгерна, одного из лидеров российской контрреволюции в Восточной Сибири, в Монголию с целью создания панмонгольской империи в Центральной Азии. Но Унгерн потерпел поражение от российской Красной армии, и его гибель предредила крах идеи панмонголизма.

Ключевые слова: панмонголизм, история, белогвардейское движение, барон Р. Ф. Унгерн, национальное движение, революция, Япония, Монголия, Алаш-Орда, Азиатская дивизия, паназиатизм, Халха, богдо-гэгэн.

В годы революции и гражданской войны в России первым знамя панмонголизма для реализации своих политических планов поднял известный деятель белогвардейского движения, вождь российской контрреволюции в Забайкалье, генерал-лейтенант, атаман Забайкальского казачьего войска, фронтовик Первой мировой войны Григорий Михайлович Семенов, «человек без определенных политических убеждений, политический фантазер с большими авантюристическими наклонностями», по словам его сподвижника генерала Л. Ф. Власьевского, но, тем не менее, обладавший качествами прирожденного лидера. Уже в мае 1917 г., в то время еще есаул, Г. М. Семенов пишет докладную записку на имя А. Ф. Керенского, тогда военного и морского министра Временного правительства России. В этой записке он предлагает сформировать в Забайкалье конный монголо-бурятский полк. Позже такой полк, носивший имя Доржи Баюарова, был создан. К осени 1917 г. Семенов сформировал особый маньчжурский отряд хунхузов — уголовных элементов из китайцев и маньчжуров. Его другом и правой рукой во всех этих начинаниях был барон Р. Ф. Унгерн [Курас, 2004. С. 605—607].

Имя барона Романа Федоровича Унгерна фон Штернберга — участника русско-японской и Первой мировой войн, храброго и жестокого белогвардейского генерала, убежденного противника революций, бессребреника и мистика, врага большевизма и махрового антисемита неразрывно связано с Монголией, северную часть которой он освободил от китайских милитаристов, возглавляя Азиатскую конную дивизию.

Командующим дивизии (поначалу это была конная бригада) Унгерна назначил атаман Семенов, его непосредственный начальник. Выходец из русско-

бурятской семьи, знавший бурятский и монгольский языки, Г. М. Семенов стоял у истоков панмонгольского движения. Следует отметить, что Забайкальское казачье войско, представителем которого был Семенов, созданное российскими властями в 1851 г. на территории Забайкалья, было первоначально сформировано не только из русских казаков Сибирского войска и крестьян, но включало в свой состав и казачьи отряды бурят и тунгусов (эвенков. — А. К.) [Казачьи войска, 1912].

В феврале 1919 г. Семенов созвал в Чите съезд панмонголистов, идеи которых так вдохновляли барона Унгерна. Этому предшествовало совещание на станции Даурия, где были выработаны направления предстоящего съезда, хотя отсутствие делегатов из Халхи на съезде в Чите ослабило значимость принятых решений. Около Семенова сформировалось небольшое ядро панмонгольских деятелей бурят и представителей других монгольских народов, среди которых выделялся Нэйсе-Гэгэн из Внутренней Монголии. Вместе с тем какой-либо стройной концепции по реализации панмонгольской идеи у Семенова не было, в отличие от других вождей белого движения, например, таких как адмирал А. В. Колчак, имевший свое видение будущего государственного строительства России как «единой и неделимой», не допускавшего никакой, кроме русской, не то что государственности, но даже автономии нерусских народов в составе России. Колчак обвинял Семенова в попытке объединить Забайкалье с Монголией и выйти из состава России, что весьма поверхностно характеризует неординарную фигуру забайкальского атамана. Как бы то ни было, Семенову удалось отстоять на съезде идею создания независимого, но под протекторатом России, «Велико-Монгольского государства», в состав которого должны

были войти Внешняя (Халха) и Внутренняя Монголия, Барга и земли бурят Забайкалья. Делегаты панмонгольского съезда избрали правительство, получившее название «Даурское» и нашедшее пристанище на станции Даурия, поскольку избранный столицей будущего государства город Хайлар находился во власти китайцев. Для защиты нового государства создавалась армия, куда от бурятского населения Забайкалья должны были призвать три тысячи человек. Ответственность за их вооружение и экипировку взял на себя атаман Семенов, поддержанный лидерами бурятского национального движения В. Вампилуном и Э.-Д. Ринчино, функционерами так называемой «Бурятской народной думы». Для реализации своих замыслов Семенов использовал финансовую помощь Японии. Однако руководство «Бурятской народной думы», с которой Семенов был вынужден считаться, не позволило ему использовать бурятские части в борьбе с партизанской армией Журавлева на территории Восточной Сибири.

Азиатская конная дивизия, созданная Г. М. Семеновым не в последнюю очередь для реализации панмонгольских идей, насчитывала от 1500 до 2000 бойцов. В ее состав входили русские и бурятские казаки Забайкальского казачьего войска, представители других монгольских народов — баргуты, чахары, дауры, ойраты, халха-монголы, а также башкиры, татары, японцы, тибетцы, китайцы и, по некоторым данным, казахи из разбитых Красной Армией белогвардейских частей атамана Анненкова, оперировавшего на Алтае и в Восточном и Юго-Восточном Казахстане — Семиречье. Подразделения дивизии были сформированы по этническому принципу: два татарских и два бурятских конных полка, монголо-бурятский конный полк, монгольский конный дивизион, отдельная бурятская бригада, азиатский артиллерийский дивизион [Белов, 2001. С. 47—53]. На тибетский отряд барон возлагал особые надежды, которые вполне оправдались. Далай-лама, глава Тибета и ламаистской буддийской тибетской церкви, отправил к Унгерну отряд тибетцев, впоследствии, 31 января 1921 г., отличившихся при освобождении из китайского плена религиозного правителя Монголии богдо-гэгэна. «...В отряд... вошли: 1-й татарский и 2-й Анненковский конные полки, имевшие в своих рядах всего лишь, в общем, 6 сотен (4 татаро-башкирских и 2 русских)...» [Мемуары, 2004. С. 349—352]. Эта национальная специфика учитывалась командованием, о чем красноречиво свидетельствуют документы, обнаруженные в Российском государственном военно-историческом архиве: «Приказ по отдельной Иногородческой дивизии № 9; 23 января 1919 г., военный городок Даурия, по части строевой — завтра, 24 января, по случаю монгольского праздника занятий в частях дивизии не производить... Начальник дивизии... барон Унгерн Штернберг»; «Приказ по отдельной Азиатской конной бригаде № 249, 15 декабря 1919 г. 16 и 17 сего декабря по случаю магометанского праздника „Байрам-Гашура“, т. е. „Смерть Магомета“, занятий в частях

Бригады не производить... начальник Бригады генерал-майор барон Унгерн» [Мемуары, 2004. С. 349—352].

В 1921 г. части Азиатской конной дивизии под командованием уже генерал-лейтенанта Унгерна, к этому времени действовавшего в оперативном отношении независимо от основных сил Семенова, остававшихся в Забайкалье и на российском Дальнем Востоке, выбили из монгольской столицы Урги (современный Улан-Батор) превосходящие их по численности в несколько раз китайские войска и восстановили на троне главу монгольской буддийской ламаистской церкви — богдо-гэгэна Джэбцзуна Дамбу. Перед этим Унгерн через лам наладил тайные контакты с богдо-гэгэном и 29 января получил его благословение на изгнание китайцев из Монголии. Большинство халха-монголов, основного населения Монголии, встретило Унгерна как освободителя от китайских милитаристов, в 1919 г. растоптавших автономию Монголии. Примкнул к Унгерну со своим сыном и людьми известный в монгольском обществе Тогтох, предводитель антикитайского восстания 1907—1910 гг. в Халхе, которого Унгерн в начале февраля 1921 г. освободил из тюремного заключения, куда он был посажен китайским милитаристом Сюй Шучжэном, правителем Внутренней Монголии, за антикитайские настроения. Впоследствии, в 1922 г., после поражения Унгерна, он разделил судьбу барона, будучи расстрелян как заговорщик «красными монголами» Сухэ-Батора. Из китайских застенков были выпущены монгольские князья Максаржав — будущий военный министр в правительстве богдо-гэгэна и Пунцагдорж. Бывший министр иностранных дел Автономной Монголии Цэрэн Доржи также оказался в стане Унгерна [РГВИА. Л. 303].

После Синьхайской революции 1911 г. в Китае Монголия объявила о своей автономии, так как новые республиканские власти Китая отменили те права монголов, которыми они пользовались при владычестве свергнутой маньчжурской династии Цин, казавшейся в их глазах законной властью, освященной традицией. Тогда китайским колонистам были запрещены массовые переселения на земли Монголии. Республиканские власти Китая пытались вновь подчинить мятежную провинцию, возглавляемую буддийским первосвященником богдо-гэгэном Джебцзуной-Дамбой и к 1920 г. оккупировали Монголию, отменив прежние цинские запреты на колонизацию ее земель китайцами.

Целью похода Унгерна в Монголию было объединение в перспективе всей Центральной Азии и даже прилегающих к ней земель от Каспийского до Желтого морей в единое мощное государство. Как видно из архивных материалов, это образование, кроме земель, населенных монголоязычными народами, должно было включать в свой состав Восточный Туркестан (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), Тибет, Маньчжурию, китайскую провинцию Шаньдун и Казахстан. Вероятно, это тот самый случай, о котором столь эмоционально ото-

звался русский философ Владимир Соловьев: «Панмонголизм! Хотя имя дико, но мне ласкает слух оно».

В этой связи представляют интерес письма барона Унгерна к лидерам «Алаш-Орды» — казахского национального движения того времени, чьи программные установки были близки идеологической платформе партии российских конституционных демократов (кадетов). Алашордынцы добивались национальной автономии в составе России и не выдвигали тогда сепаратистских лозунгов, подрывающих целостность Российского государства. Вот что писал им Унгерн: «...Вожди киргизского (до 20-х гг. XX в. в русской научной и художественной литературе казахов называли киргизами или киргиз-кайсаками. — *А. К.*) народа! ... У вашего народа как у славной ветви великого монгольского дерева общие с нами помыслы, общие надежды и стремления... По воле Всевышнего было мне суждено помочь правителю Халхи (т. е. Внешней Монголии. — *А. К.*), его Святейшему Богдо-хану (богдо-гэгэну. — *А. К.*) свергнуть власть китайских революционеров-большевиков и довести дело объединения всех областей Внешней и Внутренней Монголии в единую Великую Монголию...» Барон Унгерн не хотел видеть разницы между российскими большевиками-коммунистами и китайскими революционно-буржуазными демократами, пришедшими к власти в своих странах на гребне Октябрьской и Синьхайской революций, считая последних тоже большевиками, тем более что в начале 20-х гг. XX в. между ними установилось тесное политическое и военное сотрудничество. «...Теперь в Китае избран президентом революционный большевик (Сунь Ятсен). От такого правительства можно ожидать только плохое. Если ранее китайцы свои обещания не исполнили, то теперь тем более ждать от них нечего: эти злодеи большевики не признают Бога-Неба, отнимают табуны, стада и имущество в свою пользу. Все, что дорого и свято каждому честному человеку, честному народу, ими осмеяно и поругано. Эта подлая религия идет с Запада и дошла уж до Китая... в бывшей великой Российской монархии... восстал брат на брата, сын на отца, все враждующие ненавидят друг друга, забыли Бога, отнимают друг у друга последнее имущество, все голодают. Там нет теперь Белого Царя, его убили, а народом правят революционеры-большевики...» [Мемуары, 2004. С. 162—163].

К числу большевистских по духу Унгерн относил и клики китайских милитаристов, правивших независимо от центрального китайского правительства различными китайскими провинциями, чьи войска оккупировали Монголию, поскольку считал их порождением Синьхайской революции.

Унгерн призывает казахов объединиться с другими народами Центральной Азии в единую империю, объединиться «всем племенам монгольского корня в одно независимое могущественное Срединное государство, которое будет, как ветвь огромного дерева, питаться от могучего древа верной прежним заветам Срединной империи, возглавляемой императорами

кочевой маньчжурской династии, носительницы веры, верности и любви ко всем народам Великого Монгола», то есть выступал за восстановление власти маньчжурской династии Цин, свергнутой в 1911 г. в итоге Синьхайской революции, но уже не над Китаем, а над Центральной Азией, к которой относилась и часть подвластных Китаю и России земель, населенных монголоязычными и тюркоязычными народами, а также маньчжурами.

Второе письмо Унгерна к казахам, как и первое, содержало общее обращение к старейшинам и вождям казахов, но, в отличие от него, в нем был и конкретный адрес. Оно было написано на имя бывшего члена Государственной Думы Российской империи и Учредительного собрания Российской республики, разогнанного большевиками, — лидера «Алаш-Орды» Алихана Букейханова. Это письмо во многом повторяло содержание первого, но было и кое-что новое. Так, Унгерн уверял казахов, что вся Монголия сбросила незаконную власть китайских революционных вожakov и все монголы «откликнулись на наш призыв... Мы... с благословения святейшего Богдо-хана, кликнули клич тревоги и призыва. Как эхо в горных ущельях, он пронесся по всей Монголии, от края на край нашей земли, все поняли нашу тревогу... Все племена и области, дальние и близкие, поднялись, поручили себя молитвам Богдо-хана и милости Неба и общими силами сбросили с себя ненавистную Богу и народам власть насильников и разрушителей веры, обычаев, законов, достоинства, порядка и души монгольского народа. Монголия объединилась...» [Мемуары, 2004. С. 164].

Но это не совсем соответствовало действительности, поскольку к Халхе не присоединились ни Внутренняя Монголия, ни Кобдоский округ, ни Бурятия, ни Урянхайский край (ныне Тува, или Тыва, населенная тувинцами, тогда называемыми урянхайцами тюркоязычным народом, находившимся под влиянием монгольской культуры и исповедующим ламаистское направление в буддизме, при этом часть тувинцев из родоплеменных образований сойотов знали монгольский язык).

Возможно, Унгерн предполагал побудить казахов к борьбе с Советской Россией и республиканским Китаем, которых он считал своими главными врагами. К тому же казахи были национальным меньшинством Китая, счет их в этой стране шел уже тогда на сотни тысяч человек и часть их кочевий находилась в Синьцзяне — Восточном Туркестане. Барон обрушивается с критикой не только на Октябрьскую революцию в России, но и на Синьхайскую революцию 1911 г., свергнувшую в Китае монархический режим маньчжурской династии Цин, правивший с 1644 г., а также на революционно-демократическое правительство Сунь Ятсена на юге Китая в Гуанчжоу: «...революционеры Южного Китая... ввергли недавно великую страну в пучину невыносимых страданий, лишений и бедствий, истоющая ее междоусобной войной, голодом и мором... У этих злых людей два лица — одно улыбающееся с хитрыми ус-

тами, говорящее о счастье народов; другое — мрачное и злобное, грозящее народам разорением, бесконечным кровопролитием, гибелью и смертью, эти люди с двумя лицами разрушили Российскую империю, превратили Китай в место кровавой бойни и безвыходного голода и черной смерти. Прошли они в нашу сторону на нашу землю, по которой шел, неся свой крепко веками закованный меч против богототупников, великий вождь всех монголов Чингисхан и другие богатыри, рожденные нашими женщинами на нашей древней и славной земле. Мы видели, что за революционерами — этими коварными, как ядовитые змеи, злыми людьми идут к нам неверие, нищета, преступления — справедливо, хотя и сурово карающий Божий гнев». Барон Унгерн был уверен в «близком восстановлении Срединного Царства, где киргизскому (казахскому. — *А. К.*) народу, раскинувшись на необъятном пространстве, предназначается самой судьбой славное и почетное место». Спасение казахов, монгольских и других азиатских народов Унгерн видел только «в возрождении Срединного Царства» и предлагал представителям казахского народа встретиться с его представителями «для совета и решения» [РГВИА. Л. 305].

В своем письме, обращенном к одному из своих единомышленников, Унгерн также пишет: «Начальник Азиатской конной дивизии, мая 20 дня 1921 г. № 986 гор. Урга. Осведомляя Вас для сведения и руководства о происходящем в Монголии... Следующим этапом организованной работы в Азии, работы, идущей под лозунгом „Азия для азиатов“, является образование Срединного Монгольского Царства, в которое должны войти все монгольские народы...»

Интересно отметить, что российский немец из Прибалтики барон Унгерн первый озвучил паназиатский лозунг, ставший впоследствии важнейшей частью внешнеполитической доктрины милитаристской Японской империи вплоть до поражения ее во второй мировой войне. То же можно сказать об Унгерне, а также о Семенове как идеологах панмонголизма. По мнению Унгерна, западная культура привела европейские народы белой расы к революции, сопровождавшейся веками всеобщей нивелировки и упадком аристократии, из-за чего она была обречена на распад и замену ее восточной культурой народов желтой расы, «образовавшейся 3000 лет назад» и якобы сохранившей все свои духовные ценности без изменения до XX в.: «Вы посмотрите на Запад, оглянитесь на его прошлое, где он в огне и крови и в дерзкой безумной борьбе человека с Богом. Запад дал человечеству науку, мудрость и могущество, но он дал в то же время безверие, безнравственность, предательство, отрицание истины и добра. Разве вы не знаете, вожди народа киргизского (казахского. — *А. К.*), как с грохотом, проклятием и рыданием разрушались и гибли великие государства Запада, дробились и снова соединялись для того, чтобы вновь распасться и исчезнуть? Теперь преступные коммунисты стараются поднять во всех государствах Запада и Востока кровавый бунт, разбивают и жгут все,

что было сделано до них, уничтожают миллионы людей и открывают дорогу беззаконным преступлениям и страшной смерти от голода и небывалых болезней. В этом пожаре среди убийства и разрушения гибнет все, до чего дошел ум и воля человека. Там, на Западе, началась гибель целых царств, и смерть истребляет целые народы... мы хотим и будем бороться со смертельной опасностью, грядущей с Запада от коммунизма».

При всей эмоциональности сказанного, слова Унгерна во многом оказались пророческими. Во всяком случае, для тех стран и народов, где к власти пришли коммунисты. Эти страны и народы, в том числе Монголия, Россия, Китай и Казахстан, испытали в XX в. на себе их грандиозный социальный эксперимент.

«...Я уже начал сношения с киргизами (казахами. — *А. К.*), — продолжает Унгерн, — и отправляю письма влиятельному деятелю Алаш-Орды, бывшему члену Государственной Думы, очень образованному киргизскому (казахскому. — *А. К.*) патриоту, потомку наследственных ханов Букеевской орды (от Иртыша до Волги) А. М. Букей-хану...» При этом Унгерн не ограничивался призывом только к казахским лидерам для реализации своей идеи. «...Необходимо Вам действовать в этом направлении на Тибет, Китайский Туркестан и, особенно, в первую очередь, Синьцзян, причем следует найти таких влиятельных лиц в названных областях... Очень необходимо втянуть в начатое дело китайских магометан, для которых связь наша с киргизами (казахами. — *А. К.*) — единоверцами может служить реальным мотивом для переговоров. Но и здесь нужны определенные, надежные и влиятельные среди своих, лица, через которых и надлежит действовать» [РГВИА. Л. 16—17].

Как видно из вышеизложенного, переговоры с казахскими лидерами были для Унгерна важны и тем, что с их помощью он в перспективе надеялся установить тесные связи и привлечь на свою сторону мусульманские народы Китая, обитавшие большей частью в Восточном Туркестане — Синьцзяне, — уйгуров, хуэй (известных в Центральной Азии как дунгане. — *А. К.*), киргизов, узбеков, татар, таджиков, памирцев — сарыкольцев, эйну, пахпа, монголоязычных дунсян и баоань.

Впоследствии, после пленения Унгерна частями Красной Армии, он подтвердил на допросе, что конечной целью его движения было создание государства, которое объединило бы кочевые народы Центральной Азии. Протокол допроса Унгерна свидетельствует: «...Вопрос: Является ли лозунг „Азия для азиатов“ в Вашей программе лишь лозунгом политическим и дипломатическим, или он был связан с обстоятельством, которое Вы приняли от какой-либо иностранной группировки? Ответ: Большевизм не может развиваться у кочевников, всех кочевников надо объединить в одну группу. Я имею в виду все кочевые народы. Вот почему в основу создания Срединного Монгольского Царства (до Каспия) клал объединение всех кочевников, и киргизов (казахов. —

А. К.) в том числе. С этой целью я действительно делал попытки через монгольского премьер-министра Джалханцза-хутухту и через других влиятельных лиц снестись со всеми народами, происходящими от монгольского корня, и собственноручно написал два проекта обращения к вождям-ханам и бекам Киргизии (Казахстана. — А. К.). В одном из этих обращений я указал на необходимость связаться с потомком древнего киргизского (казахского. — А. К.) хана и видным киргизским (казахским. — А. К.) политико-общественным деятелем Букейхановым, которого лично никогда не знал, а был лишь о нем наслышан как о влиятельном среди киргизов (казахов. — А. К.) человеке и бывшем руководителе в 1917—1919 гг. Алаш-орды...» [Мемуары, 2004. С. 205—209]. «...Под началом маньчжурского хана должен был бы создаться такой круг: Монголия, Тибет, Китай и все кочевые народы Сибири и среднеазиатских владений...» [Дальневосточная правда, 1921. С. 3].

Унгерн хотел расширить базу своего движения, тем более что казахи были заметным национальным меньшинством Монголии (6—8 % ее населения), обитавшим в ее западном регионе. Определенное время, в течение примерно одного месяца до коронации богдо-гэгэна 22 февраля 1921 г., проведенной с большой пышностью, когда барон произнес перед собравшимися речь по-монгольски, напомнив о былой славе монголов — потомков Чингиз-хана и выразив уверенность в воскресении этой славы с восшествием богдо-гэгэна на трон, Унгерн был фактически правителем Халхи — Внешней Монголии. Не только казнями сочувствующих большевикам или подозреваемых в таковом, истреблением евреев и китайцев ознаменовалось правление Унгерна в Урге. Он учредил Монгольскую военную школу, на улицах города были прорыты сточные канавы, была проведена телефонная связь, отремонтирована электростанция, были восстановлены разрушенные мосты, созданы первый национальный банк и ветеринарная лаборатория, открылась больница, начала издаваться газета, возобновились работы на Налайхинских угольных копях. «...Я сблизился с монгольским народом, понял его веру, обычаи и его заветные горячие благородные думы о судьбах родины» [РГВИА. С. 16—17], — писал он казахам. Подтверждением сказанного является переход Унгерна в буддийскую веру и знание им монгольского языка. По преданию, богдо-гэгэн подарил ему перстень, принадлежавший самому Чингиз-хану. Своим убеждениям Унгерн не изменил и перед смертью, находясь в советском плену, о чем свидетельствует протокол его допроса в застенках ВЧК. После расстрела Унгерна советскими властями богдо-гэгэн приказал провести поминальные службы во всех ламаистских буддийских монастырях Монголии. И спустя десятилетие, когда закрывались коммунистическими монгольскими властями монастыри, когда ламы — буддийские священнослужители расстреливались сотнями, по монгольской степи ползли упорные слухи о возвраще-

нии воскресшего из небытия Унгерна во главе своей Азиатской конной дивизии.

Архивные материалы свидетельствуют, что Унгерн также вынашивал планы похода из Монголии на запад, на Алтай и в Казахстан, против Советской России. Известно, что Унгерн установил связи с белогвардейскими частями — отдельным Оренбургским корпусом генерала А. С. Бакича, отступившего в 1921 г., после поражения белогвардейцев в Сибири, в китайскую провинцию Синьцзян, а также со сводным Русско-Инородческим партизанским отрядом есаула А. П. Кайгородова и отрядом полковника Казагранди, действовавшими в Горном Алтае, Туве и Западной Монголии. Совместно с атаманом Семеновым и командирами упомянутых белогвардейских формирований Унгерн вынашивал план похода на Советскую Россию [Наземцева, 2010. С. 17—18]. Поэтому и его попытка установить связи с лидерами «Алаш-Орды», вероятно, была в русле этих замыслов, поскольку Унгерн надеялся на их будущую поддержку. Известно, что в годы гражданской войны «Алаш-Орда» стояла на антисоветских позициях и пошла на союз с вождем белогвардейского движения в России, ее «верховным правителем» А. В. Колчаком, ставка которого находилась в Омске. Однако затем алашордынцы выступили против него, поскольку Колчак придерживался концепции «единой и неделимой России» и отказывал казахам в автономии в рамках будущего Российского государства.

Следует отметить, что действия барона Унгерна в Монголии и его меры по привлечению на свою сторону движений народов национальных окраин бывшей Российской империи, выходцы из которых составляли заметный, если не преобладающий контингент подчиненной ему дивизии, вызывали беспокойство советских властей на самом высоком уровне. О значимости при этом личности Унгерна, казалось бы, не занимавшего заметного места среди ведущих лидеров российской контрреволюции, свидетельствует внимание, проявленное к нему лично вождем большевиков В. И. Лениным: «Предложение в Политбюро ЦК РКП(б) о предании суду Унгерна... обратиться на это дело побольше внимания... устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять...»

В русле противодействия планам Унгерна можно рассматривать отраженные в документах мероприятия ЦК РКП(б) по разложению войск барона, прежде всего его национальных частей. «Запрос Сиббюро ЦК РКП(б) на агитационную литературу для разложения войск барона Унгерна. 26 марта 1921. Москва, ЦК РКП. Уполкоминтерна Востбюро в Иркутске просит о срочном издании воззвания к башкирам и татарам, находящимся в белогвардейских отрядах Унгерна в Монголии, о даровании им амнистии и обеспечении возвращения на родину. Ввиду настоятельной необходимости принять меры отвлечения башкир и татар от Унгерна, просим срочно предложить Башкирскому и Татарскому бюро изготовить такие воззвания и в достаточном количестве выслать

их уполномоченному в Иркутский секретариат № 81» [Ленин, 1972. С. 110] «Выписка из протокола заседания ЦК РКП(б) по разложению войск барона Унгерна в Монголии. Г. Москва 31 марта 1921 г. Слушали: О воззвании к башкирам и татарам, находящимся в белогвардейских отрядах Унгерна в Монголии. Постановили: Башкирскому и Татарскому обкомам предложить дать согласие и поручение в Омск и Иркутск уполномоченному Сиббюро издать за подписью Башкирского и Татарского обкомов воззвание к башкирам и татарам, находящимся в бандах барона Унгерна в Монголии, с обещанием им амнистии и возвращения на родину. (Согласие на амнистию подтвердить в Политбюро) Секретарь ЦК Молотов» [Мемуары, 2004. С. 158].

Следует отметить, что это был не первый опыт, когда советские власти использовали в пропагандистских целях мусульман — татар и башкир, служивших большевистскому режиму, для разложения войск своих противников. Например, для борьбы с мусульманскими повстанцами, врагами советского режима — басмачами в Русском Туркестане или Средней Азии, были переброшены в начале 20-х гг. XX в. на Туркестанский фронт татарская и башкирская кавалерийские бригады Красной Армии. Эта мера советских властей внесла разлад в ряды басмачей, поколебав их уверенность в том, что они сражаются с «неверными» — «кафирами», когда воевавшие под знаменем ислама басмачи увидели своих единомышленников — татар и башкир в рядах красноармейцев.

А ранее советской власти удалось привлечь на свою сторону лидера национально-освободительного движения башкир Заки Валиди (Тогана) с его вооруженными формированиями, пообещав предоставить башкирам национальную автономию, на что не пошел Колчак. Таким образом, башкиры выступили против Колчака в критический для его режима момент и способствовали его поражению. Башкирские части воевали в составе Красной армии на Южном фронте гражданской войны под Харьковом, отличились при разгроме войск белогвардейского генерала Юденича под Петроградом, где они были сведены в Башкирскую группу войск численностью 10 тыс. бойцов под командованием Х. Алишева и куда они были переброшены по личному приказу В. И. Ленина — главы Советского правительства. «В опаснейший для столицы Советской республики момент части башкирских войск проявили столько выдержки, отваги, стойкости, что положение было не только спасено, но опасность превратилась в победу...» — писал современник и очевидец этих событий К. Федин о доблести башкирских полков [Зайтунов, 2010. С. 78]. Союз Заки Валиди с советской властью оказался недолгим, реальной, а не номинальной автономии башкиры не получили, и Заки Валиди, спасаясь от репрессий, ушел в Туркестан, где примкнул к басмачам.

Вполне возможно, что барон Унгерн, не признававший, как и атаман Г. М. Семенов, адмирала

А. В. Колчака «верховным правителем» России, пытался привлечь лидеров казахского национального движения с их формированиями на свою сторону, тем более что в его частях было немало мусульман — татар и башкир, представителей родственных казахам народов, обещая им «почетное и славное место» в центральноазиатском государстве, объединявшем кочевые народы, создание которого так и осталось мечтой воспаленного воображения барона Унгерна или, проще говоря, утопией. Да и письма барона Унгерна лидерам казахского национального движения, скорее всего, не дошли до адресата и были перехвачены советскими спецслужбами, оставшись декларацией о намерениях.

Но с гибелью Унгерна идея панмонголизма не умерла. Атаман Семенов, ушедший после гражданской войны в эмиграцию в Китай на территорию Маньчжурии и активно сотрудничавший с японской военной миссией, подготовил в 1941 г. проект создания единого монгольского государства, в котором предполагалось объединить Халху и Внутреннюю Монголию для создания таким образом буфера между СССР и Японией. За шесть лет до этого, в 1935 г., в русле осуществления этих намерений, нойон (князь) Дэван из Внутренней Монголии объявил о ее независимости от Китая, опираясь на поддержку Японии, к тому времени оккупировавшей Маньчжурию и Северо-Восток Китая и находившуюся в состоянии войны с Китаем. А в 1939 г. формирования Дэвана приняли участие в вооруженном конфликте на Халхин-Голе на стороне японцев против СССР и народной Монголии. История в лице «вождя народов» И. В. Сталина — лидера СССР [Лхагва, 1991. С. 25] реализовала вышеупомянутый проект под красным знаменем Великой утопии — коммунизма, но без Бурятии и Внутренней Монголии, оставшихся в составе, соответственно, России и Китая, буфером между которыми стала Халха — нынешняя Монголия. При этом, Монголия, провозглашенная в 1921 г. народной республикой и признанная как государство только СССР, лишь после Второй мировой войны была признана мировым сообществом и стала членом ООН. Главная заслуга в этом признании заключалась в позиции И. В. Сталина, которому удалось сломить сопротивление Китая, когда одним из условий вступления СССР в войну против Японии в 1945 г. было требование к союзникам — США, Великобритании и Китаю признать Монголию как независимое государство.

А еще раньше, в 1937 г., когда революционная стихия в России и на ее национальных окраинах уже давно «канула в лету», «предусмотрительный» Сталин нанес на территории России идею панмонголизма удар, который оказался для нее роковым: был упразднен термин «Монгольская» в названии Бурят-Монгольской АССР, символизируя тем самым отказ «русских монголов» — бурят от панмонголизма. Подверглась репрессиям и физическому уничтожению национальная интеллигенция, а после Второй мировой войны и победы над Японией советскими

спецслужбами был арестован и казнен по приговору советского суда Г. М. Семенов. Земли и без того малочисленных бурят (ныне 415 тыс. чел.) были еще разделены в России на три не сообщающихся между собой территориально и оторванных друг от друга в административном отношении даже в рамках одного государства анклава — республику Бурятию, где бурят не более 20 % на фоне 75 % русского населения, и два округа — Усть-Ордынский и Агинский в составе, соответственно, Иркутской и Читинской областей, где бурят всего несколько процентов в преобладающем русском населении, при этом несколько лет назад был понижен статус Усть-Ордынского и Агинского округов с субъектов РФ до районов в составе областей, что было «узаконено» вторым президентом современной России уже в наши дни, причем все это происходило и происходит на фоне массовой утраты бурятами родного языка и национальной культуры, во многом обусловленной как современной ситуацией в стране и государственной политикой, так и отсутствием стремления заметной части бурятского общества, особенно его будущего — молодежи, сохранять свою этническую идентичность. То же можно сказать и о другом монголоязычном народе России — калмыках (ныне 160 тыс. чел.). Возрождение религии в среде бурят и калмыков, что способствовало бы сохранению их как этносов, а именно буддизма тибетского толка — ламаизма, выражение солидарности с главой Тибетской ламаистской церкви Далай-ламой неоднозначно воспринимаются властями современной России, опасаясь реакции Китая, где Далай-лама рассматривается как враг КНР.

Схожие процессы шли и идут в автономных районах Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском в составе Китайской Народной Республики, где монголоязычные народы — дауры, баргуты, чахары, захчины, ту, баоань, монголы, дунсяне, ойраты — торгоуты, хошуты, дюрбэты, элюты (общим числом до 6 млн человек), уже в начале XX в. составлявшие во Внутренней Монголии треть населения в результате китайской колонизации, а в Синьцзяне — всего несколько процентов после разгрома маньчжурами и китайцами в 1758 г. Джунгарского ханства и последующей резни ойратов, счет жертв которой шел на сотни тысяч, если не на миллион человек, находятся под непрерывным уже в течение столетий и все более нарастающим влиянием мощной китайской цивилизации с ее почти полуторамиллиардным людским потенциалом, что объективно лишает саму идею панмонголизма будущего и в Китае. Достаточно вспомнить о приписываемых официальной идеологией современного Китая основателю КНР, «великому кормчему», Мао Цзэдуну «заслугах», в числе которых ассимиляция китайцами некитайских народов в годы его правления. Здесь речь идет уже не о панмонголизме, а о сохранении как в России, так и в Китае монголоязычных этносов, «естественная» ассимиляция которых в этих странах идет на наших глазах по нарастающей. При этом официально права монголоязычных народов в этих странах декларируются, они имеют национально-территориальные административные единицы, в КНР монгольский язык, наряду с китайским, уйгурским, тибетским и казахским языками, объявлен одним из государственных, хотя и регионального значения.

Литература

- Белов, 2001: *Белов Е. А.* Взгляды и деятельность барона Унгерна фон Штернберга — Восточный архив (ВА). № 6—7. М.: ИВ РАН, 2001.
- Дальневосточная правда, 1921: Дальневосточная правда. 1921. № 206. 25 сент.
- Зайтунов, 2010: *Зайтунов Р.* Башревком против Юденича // Российский исторический журнал «Родина». 2010. № 4.
- Казачьи войска, 1912: Казачьи войска / Под ред. В. Хазина. (Справочная книжка) императорской главной квартиры. СПб., 1912.
- Курас, 2004: *Курас Л. В.* Атаман Семенов и панмонголизм // Тез. Междунар. конгресса востоковедов. ICANAS XXXVII. Ч. II. М., 2004.
- Ленин, 1972: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 44. М., 1972.
- Лхагва, 1991: *Лхагва Т.* Что думал Сталин о монголах? // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3.
- Мемуары, 2004: Мемуары. От Даурии до боев под Ургой; Выписка из протокола заседания ЦК РКП(б) о мерах по разложению войск барона Унгерна в Монголии, г. Москва 31 марта 1921 г.; Допросы Р. Ф. Унгерна 29 августа 1921 г. в Троицкосавске; Запрос Сиббюро ЦК РКП(б) на агитационную литературу для разложения войск барона Унгерна, 26 марта 1921 г. Москва, ЦК РКП // Барон Унгерн документах и материалах. М., 2004.
- Наземцева, 2010: *Наземцева Е. Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920—1930-е гг.). Барнаул, 2010.
- РГВИА: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1482. Д. 54; Ф. 39454. Оп. 1. Д. 2.

A. Sh. Kadyrbaev

Idea of Pan-mongolism from Russian generals Semenov and Ungern to her collapse

This article devote to history of Mongolia during 1919 year when general Ungern — one leader of Russian contre-revolution in Western Siberia attacked Mongolian capital — Uрга, where were Chinese troops. Ungern wanted to reestablish pan-mongolian impire in Central Asia but he lost the war and his idea of Pan-mongolism came to collapse.

Key words: panmongolism, history, White Guard movement, Baron R. F. Ungern, national movement, revolution, Japan, Mongolia, Alash-Orda, Asian division, panasiatism, Halha, bogdo-gegen.